

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КРИТИКУ

ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ

Критический взгляд на критику

«Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук».

СЕРЖАНТЪ ГВАРДІИ.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.
—Того не надобно: пусть въ арміи послужить.
Изрядно сказано! Пускай его потужить
.
Да кто его отецъ?

Княжичъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку премьеръ-майромъ въ 17... году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей Симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдогѣ Василь-

<http://lib.pushkinskiydom.ru>

Капитанская дочка.

43

евнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человекъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ. Я былъ записанъ

«Современник», 1836. Т. 4. С. 42—215.

« ...Чтобы дорисовать личность Ленского, надо разобрать его дуэль с Онегиным. Тут читатель решительно не знает, кому отдать пальму первенства по части тупоумия -- Онегину или Ленскому. Единственное возможное объяснение этого нелепейшего случая состоит в том, что оба они, Ленский и Онегин, совершенно ошалели от безделья и от мертвящей скуки. Онегину захотелось взбесить Ленского и таким образом отмстить ему за то, что у Лариных на именины Татьяны собралось много гостей, между тем как Ленский говорил Онегину, что не будет никого из посторонних. Чтобы исполнить свое намерение, Онегин танцует с Ольгой сначала вальс, потом мазурку, потом котильон. Во время танцев он,

Наклонясь, ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет -- и запылал
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче.
(Глава V. Строфа XLIV.)

слышно во всех концах залы. Пошлого мадригала Ленский не мог ни видеть, ни слышать, потому что он был произнесен шопотом. Заметить пожатие руки было также невозможно, потому что это движение, мускулов совершенно неуловимо для глаз. Что Ольга улыбалась и краснела -- это Ленский, конечно, мог видеть; но, во-первых, во время танцев никто не хмурится; а во-вторых, Ольга могла покраснеть именно от движения; наконец, если бы даже Ленский мог быть твердо убежден в том, что Онегин говорит Ольге комплименты насчет ее наружности и что Ольга улыбается и краснеет от удовольствия, то и тогда он не имел бы никакого основания сердиться ни на Онегина, ни на Ольгу. В двадцатых годах комплименты были еще в полном ходу, и дамы были еще так наивны, что находили их лестными и приятными. Стало быть, ни Онегин, ни Ольга не позволили себе решительно ничего такого, что выходило бы из уровня принятых обычаев. Но Ленский лезет на стены:

Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули -- больше ничего -
Вдруг разрешат судьбу его.
(Глава V. Строфа XLV.)

А весь удар состоял в том, что Ольга не пошла танцевать с ним котильон. А не пошла она по той законной причине, что ее уже заранее пригласил Онегин. Легко может быть, что в двадцатых годах действительно существовали такие чудачки, которые принимали подобные события за жестокие удары. Но в таком случае надо будет сознаться, что у романтиков двадцатых годов была в голове своя оригинальная логика, о которой мы в настоящее время не можем составить себе почти никакого понятия. Кроме того, не мешает заметить, что женам этих чувствительных и пламенных романтиков было, по всей вероятности, очень скверно жить на свете.

Николай Филиппович Павлов «Гроза»
1860 г.

Пожалеть и хочется, но некого, нельзя. Вы слышите много нежностей, беспрестанно слух ваш поражается милыми звуками тятеньки, маменьки, а между тем чувствуете, что находитесь в такой атмосфере, где только дай в руки капитал, то послушное чадо определит эту маменьку в кухарки, а страшного тятеньку отпустит преспокойно в тюрьму. Нам скажут: да как же быть, если так? что же делать автору с наглостью истины, с той объективностью, которая, по нашему мнению, была его целью. Точно, делать нечего. В том и заключается наша мысль. Можно рассмешить уродливым выражением, верно схваченной чертой из невежественных привычек, но драмы составить нельзя. Тут царство безразличия, физической боли, материальных побуждений и ничего иного. Для драмы нужно, чтобы человек был все-таки человеком, и жертва не была лишена вовсе человеческого достоинства. Г. Островский нашелся вынужденным прибегнуть к творчеству и в изученный им хаос впустил лучи сочиненных им добродетелей. Он принялся украшать жертву цветами поэзии и, как изящный афинянин, с особенной любовью брал героиню "Грозы", отведенную им немилосердно на закланье. Он действовал правильно, это было необходимо. Но последствия не отвечают часто самым лучшим выводам ума. Драма состоялась, отрицать этого нельзя, драмы наводнили сцену, очаровали охотников до них, а вышло опять не то, чего желал автор. Сначала обманула наблюдательность, в конце творчество не исполнило своего назначения.

Чтоб оживить пустыню лучом нравственного чувства и благородных страданий души, писатель прибегал к невероятным усилиям. Он, как мы увидим в "Грозе", совершил даже мысленно путешествие в давно прошедшие времена, привел себе на память хоры древних греков и он заимствовался от них некоторыми эпизодами своей драмы. Мы скажем несколько слов о светлой стороне его произведений, о добродетелях, а потом перейдем к главному предмету этой статьи и займемся в особенности героинею "Грозы". Эта женщина возбудила все наше негодование. На автора она жаловаться не может. Чего он не сделал для нее и какой неблагодарностью не заплатила она ему! Он позволил ей, шестилетнему еще ребенку, из жажды воли, кататься в лодке одной по Волге, он научил ее слушать пение птичек, говорить о поэзии, о любви, чуть не о переселении душ. Правда, он же выдал ее замуж за пьяного дурака и поместил в самое дурное общество, но зато снабдил такую нежностью чувств, таким пылом сердца и поставил в такую пытку, что ей легко было приобрести большое знакомство и расположить в свою пользу очень хороших людей. Писатель с своей стороны сделал все, что мог, и не его вина, если эта безвестная женщина явилась перед нами в таком виде, что бледность ее щек показалась нам дешевым притиранием.